

Павлова Н.Д. Механизмы и средства психологического воздействия в дискурсе

English version: [Pavlova N.D. Mechanisms and means of psychological influence in discourse](#)

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются психологические основания дискурсивного воздействия: интенциональность речи, вариативность формулирования смысла, структурирование информации, выборочное представление фактов, а также некоторые реализующие его средства. Развивается представление о целенаправленном и непреднамеренном воздействии. Обосновывается, что изучению дискурсивного воздействия может способствовать интенциональный подход к дискурсу, устанавливающий связь между актуальными интенциями субъекта общения и используемыми им приемами воздействия.

Ключевые слова: дискурс, психологическое воздействие, средства воздействия, механизмы воздействия, интенции коммуникантов

Формирование дискурсивной парадигмы относится к 1980-м годам, когда в связи с ориентацией гуманитарного знания на изучение реальной жизни и реального человека получают распространение исследования разговорной практики, форм речевого общения, бытующих в естественных жизненных ситуациях. В настоящее время дискурс – речь в условиях живого общения, в неразрывной связанности с ситуацией и социокультурным контекстом, представлениями, отношениями, установками взаимодействующих субъектов, – становится самостоятельной областью междисциплинарных исследований; интеграция представлений и интенсивный диалог специалистов разных наук позволяют ставить и решать проблемы, многие из которых были скрыты прежде границами между разделами знания. К числу таких проблем, несомненно, относится дискурсивное воздействие. Хотя речевое воздействие давно и всесторонне исследовалось, обращение к проблематике дискурса дало новый поворот, казалось бы, глубоко изученной теме.

В этой связи обращает на себя внимание изменение методических установок сравнительно с традиционными исследованиями воздействия, в которых широко используются экспериментальные подходы, а также новые возможности, открывающиеся в его изучении. Дискурсивный анализ позволяет получать данные, отражающие реальность речевого общения в разных сферах жизни. В поле зрения исследователей оказываются не общие принципы и стратегии воздействия, описание которых нередко ограничивается первыми коммуникативными шагами говорящих, а конкретные речевые формы – то, что люди реально говорят, взаимодействуя друг с другом. Вопрос о заключенном в дискурсе потенциале воздействия неизменно затрагивается при изучении самых разных аспектов его организации. Он поднимается в работах, обращенных к изучению способов описания событий и фактов [Поттер, 1998; Harre, Stearns, 1995], при анализе механизмов взаимодействия партнеров [Иссерс, 2008], выраженных в дискурсе отношений подчинения, неравенства, дискриминации [Водак, 2000; Dijk, 1997]. На этот вопрос выходят исследования концептов дискурса и используемых метафорических моделей [Ильин, 1997; Алексеев, 2005; Dijk, 1997; и др.], анализ видов дискурса [Шейгал, 2004; Степанов, 2005; и др.] и его интенциональной базы [Павлова и др., 2011], практика психолингвистической экспертизы [Баранов, 2007; Андрианов, 2007].

Как осуществляется дискурсивное воздействие, каковы его механизмы и средства? Рассмотрение этих

вопросов, а также перспективы изучения дискурсивного воздействия составляет *цель* настоящей статьи.

Целенаправленное и непреднамеренное воздействие

Воздействующая сила речи хорошо известна. Вместе с тем далеко не всегда отчетливо осознается, что функцию воздействия реализует любое высказывание, к какой бы сфере коммуникативной практики оно ни относилось. Не только политический или рекламный дискурс предусматривают психологическое воздействие; всякое обыденное и, казалось бы, нейтральное высказывание предполагает воздействие на восприятие мира и, прямо или косвенно, регуляцию поведения адресата. Регулятивная функция может быть ведущей, как, например, в политическом, публицистическом, педагогическом дискурсе. В «обычном разговоре» она бывает менее выражена, хотя в любом акте общения коммуниканты преследуют определенные цели, которые, так или иначе, предполагают оказание воздействия.

Направленность субъекта общения на достижение определенного результата по существу выступает психологическим основанием речевого воздействия. Субъект, произносящий высказывание, совершает речевой акт – действие, реализующее актуальную интенцию и направленное на адресата. Он сообщает, просит, благодарит, советует. Каждый речевой акт сопряжен с оказанием воздействия: изменением «картины мира» или эмоционального настроения адресата, если сообщается информация, выражается отношение или мнение, с прямым или опосредованным побуждением партнера к действиям (приказ, просьба, совет и пр.). Обычно в дискурсе высказывания за немногими исключениями полиинтенциональны. Одни интенции выступают ведущими, другие имеют подчиненный характер, какие-то интенции отчетливо осознаются субъектом, другие могут не рефлексироваться. Дискурс имеет сложное иерархически организованное интенциональное пространство [Павлова и др., 2007, 2011], и вопрос о том, реализации каких намерений он в первую очередь служит, нередко далеко не очевиден. Если в одних случаях направленность на оказание воздействия является центральной и отчетливо осознаваемой целью, то в других совершаемые речевые действия могут приводить к соответствующим результатам и без прямой осознанной установки на воздействие. Даже пустословие и, казалось бы, лишённая содержания болтовня – так называемый фатический дискурс – реализуют функцию воздействия, способствуя поддержанию межличностных отношений [Зачесова, Гребенщикова, 2007].

Представление о целенаправленном и непреднамеренном воздействии имеет, на наш взгляд, принципиальную значимость в понимании дискурса и дискурсивных процессов. Это представление отвечает данным интент-анализа дискурса [Павлова, 2003; Павлова и др., 2011] и согласуется с выводами ряда других работ [Карасик, 2002; Иссерс, 2008]. Обычно, однако, феномен воздействия связывают в первую очередь с целевой установкой говорящего на управление пониманием и поведением адресата [Чернявская, 2006; Маркосян и др., 2008; Петровская и др., 1990].

Вариативность воплощения смысла

Вопреки представлению о сложных приемах и техниках, обеспечивающих оказание воздействия, дискурсивное воздействие имеет весьма общие речезыковые основания. Использование языка в речи предполагает возможность описания одной и той же ситуации различными способами. Явление, получившее название вариативной интерпретации действительности [Баранов, 2007], не ограничивается употреблением разнообразных синонимов. Высказывания «*Осталось всего пять минут*» и «*У нас целых пять минут*» отражают одну и ту же ситуацию, и вместе с тем передают ее субъективную оценку. Вопрос о целенаправленности или непреднамеренности выбора средств выражения при этом остается открытым. Воздействие выступает следствием способа формулирования смысла вне зависимости от того, является ли формирование «картины мира» адресата целью говорящего.

Этот механизм, заложенный в самом процессе речи, составляет основу ее функционирования как инструмента психологического воздействия во всех сферах дискурсивной практики. Воздействие, связанное со способом речевого воплощения мысли, не всегда осознано и не предполагает ложного, искажающего факты изложения. Однако при одинаковом денотативном значении слов возможны

различия в коннотациях: «гибкость» – «беспринципность»; «воинская повинность» – «воинская обязанность». Кроме того, построение высказываний диктует необходимость выбора грамматической формы, синтаксической конструкции и пр., что также создает оттенки значения и модифицирует отображение действительности («я считаю» – «считается»; «он забыл» – «у него склероз»). В целом это приводит к тому, что описанию ситуации обязательно сопутствует тот или иной образ реальности, что может стать средством навязывания определенных взглядов и составляет основу многих целенаправленно используемых приемов воздействия [Баранов, 2007]. В числе таких приемов можно назвать употребление эмоционально окрашенных слов («успех», «предательство»), использование эвфемизмов («военная помощь», «зачистка»), замена активных конструкций пассивными, позволяющая, не упоминая о действующих лицах, снять вопрос об ответственности («вазочка разбилась», «заложники захвачены»).

Структурирование информации

Выступая неотъемлемым свойством дискурса, оказание воздействия имеет в основе и целый ряд коммуникативных механизмов метафоры [Баранов, 2007; Чернявская, 2006]. Субъекты общения, как правило, вынуждены опираться на многочисленные допущения, касающиеся знаний собеседника, правил общения и пр. Полагая нечто известным, говорящий относит часть информации к исходным посылкам коммуникации, что открывает возможность имплицитно навязывать их адресату. Механизм структурирования информации может использоваться для того, чтобы неявно в виде пресуппозиции высказывания выразить то, что иначе может вызвать сомнения: «Демократия в стране развивается» – утверждается, что демократия развивается, при этом неявно как общеизвестное вводится тезис о существующей демократии. «Навязывание пресуппозиции» – популярный прием манипулирования сознанием, действенность которого определяется еще и тем, что возражение, сформулированное в форме общего отрицания высказывания («Нет, это не так»), не затрагивает его исходной посылки.

Вместе с тем имплицитное выражение смысла постоянно сопутствует общению в силу необходимости соблюдать правила вежливости, стремления не обидеть собеседника и пр. Непрямые высказывания настолько обычны в дискурсе, что сама возможность быть понятым некоторыми исследователями оценивается как парадокс [Чернявская, 2006]. Это также может с успехом использоваться в интересах воздействия. Помещение нужного говорящему компонента смысла в подтекст высказывания как один из важнейших приемов манипулятивного воздействия неоднократно описано в исследованиях политического, рекламного, повседневного дискурса [Шейгал, 2004; Водак, 2000; и др.]. Оно составляет основу «замазывания» и других вариантов введения информации в оценочно окрашенный контекст, использования намека, метафоры [Баранов, 2007]. Особенно показательны в этом плане устоявшиеся метафоры (военная, архитектурная, метафора пути и др.), правомочность которых практически невозможно оспорить. Незаметно для адресата они задают вектор осмысления событий, побуждая видеть мир то «сквозь прорезь прицела», то как процесс строительства, то как движение по дороге («война с бедностью», «свернуть с пути»).

Выборочное представление фактов

Структурирование информации в ходе коммуникации естественно сочетается с ее выборочным представлением. О чем бы ни заходила речь, субъекты общения вынуждены оставлять что-то недосказанным. Это диктуется не только временными ограничениями, но обычно и правилами вежливости. Выбор информации зависит от целей коммуникативного акта, что вольно или невольно модифицирует представление событий и фактов. Возникает своеобразная коммуникативно обусловленная «версия событий». Этот механизм, исследованный в рамках дискурсивной психологии [Поттер, 1998; Harre, Stearns, 1995], выступает инструментом психологического воздействия во всех сферах коммуникации. В масс-медийном дискурсе он составляет основу таких известных приемов манипулирования, как умолчание, подтасовка карт [Маркосян и др., 2008]. Конструирование версии событий широко представлено в повседневном общении, где служит цели избежать осложнений во взаимоотношениях с собеседником, произвести благоприятное впечатление. Выявлены распространенные техники, используемые для усиления правдоподобности описаний, придания им необходимой полноты [Harre, Stearns, 1995]. Так, для убеждения слушателя в оправданности своего изложения событий используют ссылки на других очевидцев; приведение многочисленных подробностей способствует созданию впечатления, что человек наблюдал происходящее воочию.

Потенциал дискурсивного воздействия

Нетрудно видеть: оказание воздействия неотделимо от дискурсивной практики, и оно никак не сводится к директивным речевым актам, выстраиванию рациональных доводов или использованию классических риторических приемов. При этом провести четкую грань между непреднамеренным и целенаправленным воздействием, а также специально выделить воздействие манипулятивное достаточно трудно. Многие формы выражения, естественно возникающие в коммуникации, способны оказывать воздействие, в том числе и неумышленное. Одно и то же высказывание («*Главой ведомства назначен NN*»), выступая для одной части аудитории как обычное сообщение, для другой имплицитно содержит сигнал, побуждающий к действиям. Ни одна из дискурсивных форм не предназначена специально для манипулирования, но почти каждая может быть для этого использована. Это создает огромный потенциал дискурсивного воздействия. Особенно если учесть, что эффективное воздействие возможно прежде всего тогда, когда адресат не осознает преднамеренности выбора средств выражения [Маркосян и др., 2008; Чернявская, 2006].

Конечно, разные виды дискурса имеют свою специфику, и функция воздействия отчетливо маркирует некоторые из них. Однако представление о том, что в масс-медийном дискурсе, привлекающем в этой связи наибольшее внимание, используются принципиально иные механизмы и средства воздействия, нежели в сфере деловой, учебной, повседневной коммуникации, очевидно, не имеет достаточных оснований. Речь неразрывно связана с психологическим воздействием, в том числе воздействием непреднамеренным, и даже самое обычное сообщение накладывает на адресата некоторые обязательства: он должен знать то, что ему сообщили; говорящему это открывает возможность действовать, исходя из этого знания. Дискурсивное воздействие, как мы стремились показать, имеет весьма общие механизмы и основания, и задача исчерпывающе охарактеризовать средства его реализации вряд ли реалистична. Если в одних случаях воздействие может опираться на сознательное использование знакомых коммуниканту приемов и техник, что требует определенных навыков, то в других оно имеет настолько «неспецифическую» основу, что осуществляется, по сути, автоматически.

Перспектива исследований

Несмотря на неизбежную свернутость описания, за рамками которого остаются, к примеру, такие средства усиления выразительности речи, как ее ритмическая организация, интонирование и пр., обнаруживается ряд вопросов, которые требуют дальнейшей разработки и намечают перспективу исследований.

Инструменты оказания воздействия относятся к разным уровням дискурса – выбору слов, построению высказываний, композиции дискурса в целом. В этой связи выделяют приемы лексические и синтаксические, формально-структурные и семантические, вербальные и невербальные, простые и комплексные. С другой стороны, можно говорить о риторических стратегиях и реализующих их приемах и тактиках. Тогда одни и те же средства оказываются инкорпорированными в различные стратегии: формирование оппозиции «свои» – «другие», к примеру, имеет ключевое значение и для стратегии дискредитации противника, и для создания «своего круга», и для стратегии мобилизации общественного мнения и, кроме того, может применяться в русле стратегии изменения оценок.

Общая проблема, которая, так или иначе, возникает, состоит в том, что не удается достичь полноты и целостности описания. Это проявляется не только в отсутствии общепринятой типологии средств (приемов, тактик, стратегий) дискурсивного воздействия. Остается неясным, почему используются те или иные приемы, как они соотносятся и почему одни стратегии могут реализовываться одновременно или последовательно, а другие редко сочетаются друг с другом.

Продвижение исследований во многом связано с изучением специфики оказания воздействия в различных коммуникативных контекстах. Такие данные в исследованиях конкретных видов дискурса постепенно накапливаются. Очевидно, однако, что в более общем плане обозначенные вопросы предполагают разработку концептуальной модели дискурса, учитывающей его сложную многоуровневую детерминацию и раскрывающей, что обуславливает эту контекстную специфику, чем

определяется выбор тех или иных средств оказания воздействия.

Определенный шаг в этом направлении позволяет сделать, как представляется, развиваемый нами интенциональный подход к дискурсу [Павлова и др., 2007, 2011]. Реализуемые в процессе коммуникации интенции субъектов прямо связаны с ситуацией и социокультурным контекстом, социальными и ситуационными ролями, складывающимися отношениями, установками и пр. Влияние на дискурсе многообразных психосоциальных переменных опосредовано актуализирующимися в соответствующих условиях интенциями коммуникантов. С этих позиций интенциональное пространство дискурса – совокупность интенций и интенциональных структур, свойственных определенной сфере коммуникации, – выступает как его психологическая основа, во многом определяющая, что именно и каким образом говорится, как протекает взаимодействие с собеседником или аудиторией. Если, говоря о стратегиях воздействия, имеют в виду глобальную задачу, достигаемую через их реализацию, то интенциональный подход устанавливает связь между конкретными интенциями субъекта или определенной их совокупностью и используемыми им приемами воздействия. Это позволяет продвинуться в понимании психологической детерминации выбора средств оказания воздействия и может способствовать созданию их типологии.

Литература

- Алексеев К.И. Метафорические модели действительности в предвыборном политическом дискурсе. В кн.: Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова (Ред.), Проблемы психологии дискурса. М.: ИП РАН, 2005. С. 135–146.
- Анрианов М.С. Дискурсивный анализ спорных иллюстраций периодических печатных изданий. В кн.: Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова (Ред.), Ситуационная и личностная детерминация дискурса. М.: ИП РАН, 2007. С. 306–327.
- Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта, 2007.
- Водак Р. [Wodak R.] Критический анализ дискурса: политическая риторика. В кн.: Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 57–65.
- Жуков Ю.М., Петровская Л.А., Растянников П.В. Диагностика и развитие компетентности в общении. М.: Моск. гос. университет, 1990.
- Зачесова И.А., Гребенщикова Т.А. Взаимоотношения собеседников в диалоге. В кн.: Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова (Ред.), Ситуационная и личностная детерминация дискурса. М.: ИП РАН, 2007. С. 162–185.
- Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: Росс. полит. энциклопедия, 1997.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
- Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М.: Смысл, 2008.
- Павлова Н.Д. Интент-анализ дискурса. В кн.: И.А. Стернин, В.Н. Степанов (Ред.), Коммуникативные исследования. Воронеж: Истоки, 2003. С. 19–25.
- Павлова Н.Д., Григорьева А.А., Пескова Е.А. Психолингвистика общения: интенциональное пространство предвыборного политического дискурса. В кн.: В.А. Барабанщиков, Е.С. Самойленко (Ред.), Общение и познание. М.: ИП РАН, 2007. С. 353–373.
- Павлова Н.Д., Зачесова И.А. (Ред.). Дискурс в современном мире. Психологические исследования. М.:

ИП РАН, 2011.

Поттер Дж. [Potter J.] Дискурс-анализ как метод исследования естественно протекающей речи. Иностранная психология, 1998, No. 10, 36–46.

Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации. В кн.: Н.Д. Павлова, И.А. Зачесова (Ред.), Проблемы психологии дискурса. М.: ИП РАН, 2005. С. 43–62.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Наука, 2006.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

Dijk van T.A. Political Discourse and Racism: Describing Others in Western Parliaments. In: The Language and Politics of Exclusion: Others in discourse. Thousand Oaks, CA: Sage, 1997.

Harre R., Stearns P. (Eds.). Discursive Psychology in Practice. London: Sage, 1995.

Поступила в редакцию 30 июля 2013 г. Дата публикации: 15 декабря 2013 г.

[Сведения об авторе](#)

Павлова Наталья Дмитриевна. Доктор психологических наук, заведующая лабораторией психологии речи и психолингвистики, Институт психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, д. 13, 129366 Москва, Россия.

E-mail: pavlova_natalya@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Павлова Н.Д. Механизмы и средства психологического воздействия в дискурсе. Психологические исследования, 2013, 6(32), 3. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Павлова Н.Д. Механизмы и средства психологического воздействия в дискурсе // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 32. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/905-pavlova32.html>

[К началу страницы >>](#)